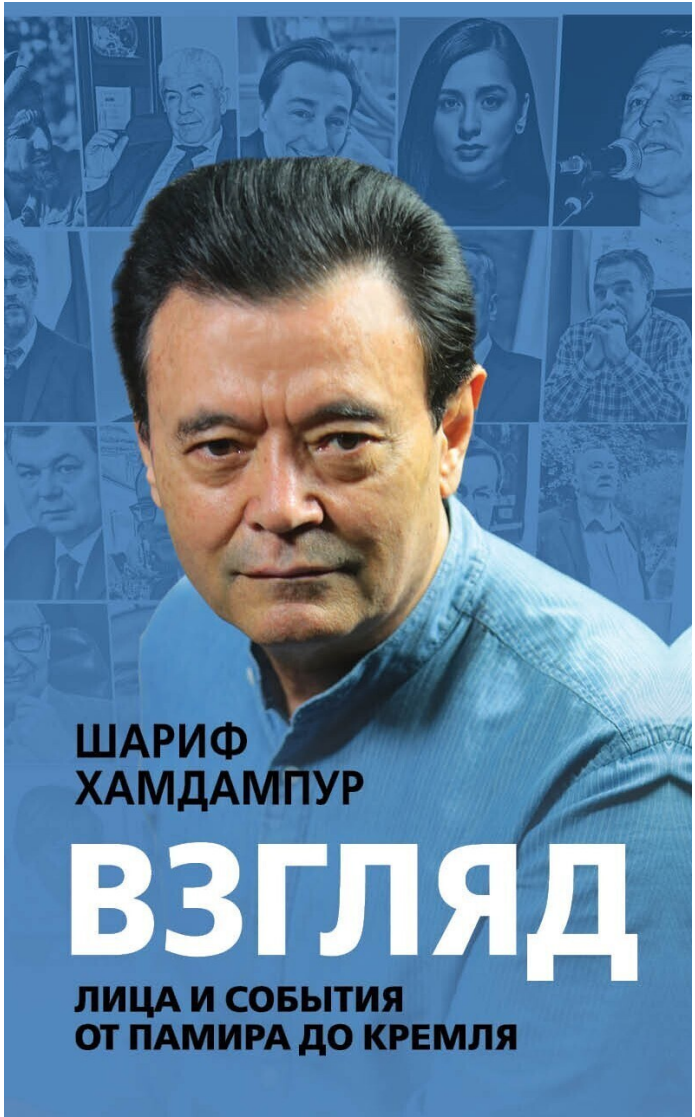

ШАРИФ
ХАМДАМПУР
ВЗГЛЯД
ЛИЦА И СОБЫТИЯ
ОТ ПАМИРА ДО КРЕМЛЯ

Хамдампур Шариф
Взгляд. Лица и события от Памира до Кремля

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66676770
Взгляд. Лица и события от Памира до Кремля: Издательство Родина; М.; 2021
ISBN 978-5-00180-376-8

Аннотация

В центре сборника документалистики известного таджикского публициста Шарифа Хамдампура (Шарифа Хамдамова) – уникальное исследование, посвященное яркой и драматичной судьбе основоположника таджикской историографии Бободжона Гафурова.

В книгу также вошли откровенные и содержательные интервью с известными личностями, творившими историю своих стран и оставившими потомкам немало пищи для размышлений. Это герой Афганистана Ахмадшах Масуд и бывший президент Бурхануддин Раббани, президент Саксонии Матиас Рослер, российский писатель Александр Проханов, гидростроитель Георгий Тихонов, актер Сергей Безруков, певица Манижа и другие видные персоны.

Сверхзадачей автора было нащупать и восстановить ту связь времен меж днем нынешним и днем вчерашним, которую мы теряем в суетной погоне за сиюминутным, но без которой полноценная жизнь не задается…

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Бободжон Гафуров – летописец таджикского народа 7

Был такой мальчик 10

Совершенно секретно 11

В Исфисаре их называли «адашкан» 13

Лида – первая любовь Бободжона 14

Железное перо журналиста 16

Грязные схватки за историю 18

И один в поле – воин! 23

Сталин о таджиках 25

Герои рождают героев 27

Секретарь ЦК в тюбетейке 29

Искажение истории и урок Бободжона Гафурова 34

Александр Фадеев в сетях лжи 38

Гафуров обращается к Сталину 42

Беседа Гафурова со Сталиным 44

Предательство Абдулло Рахимбоева 52

Таджики в пасти дракона 57

Душанбе – новая столица таджиков 60

Конец ознакомительного фрагмента. 63

Шариф Хамдампур
Взгляд. Лица и события от Памира до Кремля

© Хамдампур Ш., 2021
© ООО «Издательство Родина», 2021

* * *

Какая замечательная книга Шарифа Хамдампура! Сколько в ней тонкости, деликатности, ума, откровения… Он умеет выбрать собеседника, расположить его, произнести такие слова, что собеседник, подчас осторожный, недоверчивый, вдруг раскрывается ему и говорит о своём, о сокровенном.

Незабываемы часы, проведённые мною с Шарифом. Мы спускались в глубокие подземелья на стройке великой Рогунской ГЭС и видели, как в черноте, в глубине земли работают отважные неутомимые люди. Мы садились с ним за богатые, ломящиеся от явств столы, и ликовали на счастливых свадьбах. Вместе с подразделениями ОДКБ отправлялись на полигоны, где земля сотрясалась от орудийного грохота и рёва танков. Поднимались на гору Тора-Бора, и на этой высокой горе, как два мудреца, мы сидели, беседовали, и нам

открывался мир: перламутровые дали, цветущие сады, розовые и золотые зори. Мы видели восходы и закаты солнца. Мы видели народы, которые населяют землю, страдают, ссорятся, просят друг у друга прощения, воздают хвалу Всевышнему.

Дорогой Шариф, ты уже в низине, занят своим замечательным трудом: своими газетами, своей прозой, своей публицистикой, а я всё ещё на горе. Поднимись ко мне, и я обниму тебя…

Александр Проханов



Бободжон Гафуров – летописец таджикского народа

Бободжон Гафуров (1908–1977) – герой Таджикистана, видный политический и государственный деятель, ученый-востоковед, журналист, выдающийся историк, доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Советского Союза (1968), заслуженный деятель науки Республики Таджикистан, автор книги «Таджики».



Бободжон Гафуров (1908–1977) – герой Таджикистана, видный политический и государственный деятель, ученый-востоковед, журналист, выдающийся историк, известный таджикский востоковед, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Таджикистана (1951), член-корреспондент Академии наук Советского Союза (1968), заслуженный деятель науки Республики Таджикистан (1967).

Был такой мальчик

В самом начале его звали «Бобо», что по-таджикски созвучно слову «дедушка». Бободжоном, то есть «дорогим дедушкой», звать стали позже. Однако в жизни его были дни, когда новая поросль руководителей Таджикистана страшилась даже произнести это имя, тихо бубня себе под нос: «Не Бободжон, а “беда-джон”, чума на наши головы!»

Время было такое, скажет сегодня кто-то. Но ведь не все ему покорялись!

В то время пролить свет на то, что скрывалось за этими причитаниями, было невозможно. Так же, как и пытаться найти лучик света в потухших сердцах тех руководителей. Истина тогда была запечатана за замками стальными в тюрьмах – зинданах всепоглощающего страха, в притонах предательства и карьеризма.

Но, как говорят, время и в камне делает брешь. И в самых мощных стенах пролягут трещины, сквозь которые на пожелтевшие страницы, хранящие тайны времен, пробьются лучики света.

Совершенно секретно

В Москве, в доме на улице Горького (теперь Тверская), 8 в библиотеке академика Бободжона Гафурова меж книг и поблекших папок я обратил внимание на красочный журнал «Огонёк». Перелистывая его страницы, я наткнулся на статью о жизни мальчика-таджика. Автором статьи значился некто Хасанов, педагог Детского дома Худжанда.

Статья меня заинтриговала. Описание «немощного, голодного ребенка, лежащего в лохмотьях с опущенными веками у стены железнодорожной станции», произвело на меня сильное впечатление. История та повествовала, как затем к ребенку подошел милиционер, приподнял с земли его голову, вытер платком влажный лоб и, уложив под тень единственного дерева на том месте, стал поить его водой. Веки мальчика чуть приподнялись, из-под них проглядывали потухшие глаза. После недолгого расспроса милиционер заключил: «Твое место – в детском доме». В приюте он передает мальчика воспитателю, тот бережно кладет ребенка на кровать и спрашивает его имя. «Я нашел его у железнодорожных путей», – было единственным, что ответил милиционер.

Капитолина Александровна, супруга Бободжона Гафурова, застав меня за чтением «Огонька», присела рядом и спросила:

– Автора узнали?

– Нет.

– Это сам Бободжон, он просто не хотел быть узнанным.

В 1922 году трудности того времени забросили 13-летнего Бободжона в детский дом Кистакуза, небольшого селения на севере нынешнего Таджикистана. Позже старейшины Исфисара и Худжанда подтвердят правдивость этой истории. Детский приют распахнет Бободжону двери в совершенно другой, новый мир, из которого через несколько лет окрепший и возмужавший Бободжон выйдет во взрослую жизнь и станет творцом. С сознанием мудреца и железным характером он будет прокладывать новый путь для своего народа, вдохнет жизнь в погибающее тело их Арянам Ваэджи (мифическая прародина древних ариев).

В Исфисаре их называли «адашкан»

Разные источники сообщают, что Бободжон Гафуров родился 18 [31] декабря 1908 года в кишлаке Исфисар Ходжентского уезда Самаркандской области. В то время эти территории относилась к Бухарскому эмирату. Зебуниссо и Тоджиниссо, две сестры Бободжона Гафурова, помогли мне уточнить место его рождения и почувствовать атмосферу времени, в котором проходили детство и юность их брата.

– На самом деле мы ходжентцы, – говорит младшая сестра Зебуниссо. – Трудности жизни привели нас в Исфисор. В Исфисоре не было таджикской школы, была только узбекская. А брат вначале учился в таджикской и не знал узбекского языка. Нас поэтому называли «адашкан», то есть потерянными, перемешанными. Вот почему мою старшую сестру Тоджиниссо брат отдал в русскую школу. Затем его и самого отправили в Москву учиться на журналиста. Жизнь наша была очень тяжелой. Отец был инвалидом, работать не мог…

Лида – первая любовь Бободжона

Кроме матери и любимых сестер, в жизни Бободжона Гафурова были еще несколько женщин, которых он страстно любил. Они станут для него и нестерпимой болью, и счастьем, дарующим жизнь.

Из воспоминаний Зебунисо:

– В 1932 году, когда брат приехал из Москвы в отпуск, он уже был женат. Мне было 12 лет, младшему брату Олиму – всего 4 года. «Вам слишком тяжело, я заберу Тоджинисо и Олима», – сказал брат. Мама не стала возражать.

Тоджинисо, старшая сестра Бободжона:

– Мы сели в поезд, денег на еду у нас не было. Мы были так голодны, что Олим всю дорогу плакал. В сумку мама положила сушеные абрикосы. Когда поезд останавливался, брат набирал абрикосы в свою тюбетейку и бежал на перрон, чтобы обменять на хлеб. Так мы доехали до Москвы – живыми. Бободжон жил в маленькой комнатке в общежитии. Помню, как мы гуляли с ним по улицам Москвы. Завидев любого человека в тюбетейке, мы начинали визжать: «Одам (человек), одам, там – одам!» Будто все, кто не носил тюбетеек, не были людьми…

– Вскоре новая беда постучала в нашу дверь, – продолжа-

ет Зебуннисо. Умер мой 22-летний брат. Другой, 5-летний брат утонул в реке. Бободжона положили в больницу, у него страшно болела нога. Мы послали ему письмо, попросили, чтобы он отправил Олима и Тоджинисо обратно к нам.

Через некоторое время с ними в Исфисор приехала Лида, жена Бободжона. Она была очень доброй женщиной. Но когда мы выходили вместе с ней на улицу, люди брезгливо ворчали нам вслед: «Смотрите-ка, адашкан еще и русскую привез!» Однажды Лида заплела мне волосы, привела к озеру и сказала: «Посмотри на воду, видишь, какая ты красивая!» У нас не было зеркал. Нашим зеркалом была вода. Та вода, как и Лида, была доброй, но судьба у брата оказалась очень злой.

Лида была на восьмом месяце беременности. Однажды она выбежала из своей комнаты и начала кричать: «Голова, голова болит!» Мы ничего не поняли. Отец лучше знал русский и догадался, в чем дело. Мы срочно побежали за доктором Манчаловским. Осмотрев ее, он распорядился, чтобы мы отвезли ее поскорее в городскую больницу. Отец привез тележку, и мы погрузили туда нашу Лиду… Она умерла по дороге, немного не доехав до города. Мы все были в шоке. Такая беда привалила к нам! Телеграмму брату мы послали уже после похорон. Он сразу приехал. Уткнувшись в Лидино пальто, он горько и долго рыдал. Мы все рыдали с ним вместе.

Железное перо журналиста

Бободжон Гафуров будет прокладывать свой путь, вооруженный своим пером. Его статьи и сатирические памфлеты будут публиковаться под псевдонимами «Хромой Бободжон», «Хромой Бободжон из Исфисора», «Қаламфур», «Батрак Исфисора», «Бободжон из Ходжента», «Корреспондент из Исфисора». Острым словом, он будет вскрывать проблемы на злобу дня, заставляя ответственных лиц «прыгать на раскаленных углях». Мужество журналиста будет признано обществом, партийные руководители заметят его талант.

В 1929–1930 годах Гафуров работает спецкором газет «Овози тоджик» и «Красный Таджикистан». Тогда же ЦК Компартии назначит его заместителем главного редактора газеты «Кызыл Точикистон» (Красный Таджикистан). Через год, в 1931 году, его отправят на учебу в Московский коммунистический университет журналистики (КИЖ).

В 1935 году он окончит этот престижный институт и станет одним из первых журналистов Таджикистана, получившим высшее журналистское образование.

Он возвращается на родину, в Таджикистан, где его назначают вначале заместителем главного редактора, а затем и.о. главного редактора республиканской газеты «Красный Таджикистан». Возглавив это издание, он закатывает рукава для серьезной работы. Не для того, чтобы копать могилу

своему родному языку, истории и культуре, а чтобы начать возрождать их. Правду говорят в народе: чтобы сад был зелен, нужен хороший садовник.

Близкие считали, что Бободжон станет маститым писателем. Его статьи и рассказы в газетах и журналах были тому порукой. Тем не менее сам он считал, что для него – сына народа, отрезанного от своих культурно-исторических корней, важнее всего восстановить историческую справедливость. И он выбирает стезю историка.

Понимал ли он, что один в поле не воин, знал ли, что набрать соратников будет неоткуда, что он будет стоять один в жарком поле сражения? Уже тысячу лет, как его народ утратил свое величие. Страшась экспансии соседей, этот народ утешал себя поэзией и песнопением и страдал от своей разобщенности. Ради теплого карьерного места предводители народа отдавали части своей земли в чужие руки. Те же, кто не хотел, чтобы историческая правда вышла на Божий свет, кто не хотел видеть доказательств того, что таджикский народ является коренным народом в Средней Азии, объявляют Бободжону Гафурову войну.

Грязные схватки за историю

27 мая 1936 года профессор Василий Яроцкий – революционер и большевик, историк и ректор первого советского вуза в Средней Азии (САГУ), пишет в ЦК Компартии свои комментарии на «Учебник истории Таджикистана для средних и неполных средних школ». Он ссылается на отсутствие учебников по истории таджикского народа в школах Таджикистана, за исключением нескольких научных исследований, проведенных Василием Бартольдом. ЦК предлагает провести широкую дискуссию по этому вопросу. Совещание соберет ученых историков различных направлений, а также представителей власти.

Информация об этом совещании, о месте его прохождения, как и другие темные страницы тридцатых годов таджикского народа, бесследно канули в Лету. Однако в архиве Таджикского филиала Института марксизма-ленинизма хранится единственный документ – текст доклада и дискуссий той встречи. Этот документ дает некоторое представление о том, почему идея профессора Яроцкого создать учебник истории таджикского народа потерпела крах.

Как видно из документа, после докладов выступил с речью некто Закиров. В его речи отражается не только нигилизм по отношению к давней и недавней истории наших предков, но и та всеядная трясина страха, которая на корню уничтожала

любые потуги поиска правды. Страх был одной из главных причин того, что после дискуссий на той встрече ни один историк еще долгие годы не брался за создание учебника по истории таджикского народа.

В своей речи Закиров отмечает, что он не специалист по истории. Однако это обстоятельство не мешает ему противодействовать работе ученых. В руках таких людей в то время находились судьбы науки и политики, как и смыслообразующие ценности и жизнь народа.

Отрывок из речи Закирова:

«Товарищи, хоть я и некомпетентный человек, но хочу сказать несколько слов по поводу доклада и тех выступлений, которые были сделаны здесь. Мы заслушали нескольких ораторов и тезисы, составленные профессором Яроцким. Прежде всего мне пришлось вспомнить Бартольда и его школу. Он, как вы знаете, известный *буржуазный* историк, который описывал историю Средней Азии. Надо сказать, что труды этого историка представляли интерес для *господствующего класса*, и вся его школа всячески старалась *смазывать роль классовой борьбы в Средней Азии*. Те люди, которые учились по трудам Бартольда, протаскивали его концепцию, то есть *смазывали классовую борьбу* в Средней Азии, *не сумели критически отнестись* к трудам Бартольда, в результате делали выводы, что с завоеванием Средней Азии Россией в ней начался прогресс.

Почему я это вспомнил? Потому что хоть я не хочу чего-нибудь приписать товарищу Яроцкому, я его знаю, *просто предупреждаю*, чтобы он *не попал в плен* Бартольда. У товарища Яроцкого есть кое-какие элементы неясности. Хотя вот в пункте 5 представленного проекта автор предлагает собрать отчеты путешественников, русских и иностранных, исторического характера, касающиеся истории Таджикистана. Здесь *авторам рекомендуются буржуазные историки* , у которых можно найти документы истории народов Таджикистана, а *почему-то не слова о Марксе, Энгельсе, Ленине и Сталине*. Почему *даётся такая методическая установка обратить внимание в первую очередь на буржуазных историков*? Всё это показывает, что автор проекта должен обратить серьёзное внимание на то, чтобы не попасть, если можно так выразиться, *в капкан Бартольда. Неужели эти люди до сих пор не могли перестроиться?*

Я вчера спрашивал профессора Яроцкого, и он мне ответил, что якобы в Бухаре *сначала произошла революция, а потом произошло национально-освободительное движение*. Может быть, я не понял его или он меня. Но это получается формулировка Резцова, который говорил, что *национально-освободительное движение есть уродливая форма басмачества.* (Профессор Яроцкий: «Вы ещё мне припишите этим защиту басмачества».) Я говорю о том, чтобы тут не было недоразумения. Наше совещание должно дать хорошие результаты в ускорении составления учебника по исто-

рии Таджикистана. Но нужно сказать, что при составлении истории таджикского народа можно обратить внимание на те указания, которые были даны нам на этом совещании, и на указания товарища Сталина, Жданова, Кирова как самое главное, которое мы должны взять в основу при составлении учебника.

Совершенно правильно говорил товарищ Брагинский в отношении таджикских народов, возьмите товарища Нерсесяна, он более практично поставил вопрос. Правильно, школьники спросят, откуда я взялся, откуда я явился, но в первую очередь школьник будет требовать рассказать ему, как получилась у нас настоящая, весёлая, счастливая жизнь. Он попросит рассказать, как жили его прадеды и деды. *Он захочет сопоставить свою весёлую жизнь с прошлой проклятой жизнью дедов, прадедов. Если я пойду в школу и буду говорить ему о завоеваниях его дедов и прадедов, то он будет смеяться. Нам нужно будет изменить отдельное строение проекта составления истории, изменить на основе указания товарища Сталина».*

(Источник: Таджикистанский филиал. ИМЛ, Ф–4511, Оп–16, Душанбе–2. С. 4–5. Об учебнике по истории Таджикистана для средней и неполной средней школы.)

Возможно, именно благодаря этой речи, полной угроз и намеков на пробуржуазный характер проекта и на его несо-

ответствие идеям марксизма-ленинизма-сталинизма, учебник по истории таджикского народа для школьников вышел лишь в 1959 году, то есть через 23 года после того совещания. Историку Яроцкому, взявшемуся за восстановление исторической правды, в речи Закирова прозвучала такая угроза, которую никто из его коллег, видимо, не смог проигнорировать.

И один в поле – воин!

В самых верхах своим ходом идет жестокая борьба за власть, приводящая к регулярным «чисткам». И поэтому в республиках во всех сферах ощущается нехватка национальных кадров. Вопросы об их подготовке и использовании выносятся на съезды и пленумы партии.

Именно в это время статьи и личность Бободжона Гафурова привлекут внимание руководителя отдела печати ЦК Компартии Таджикистана Иосифа Брагинского. Все сотрудники его отдела были русские, первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Дмитрий Протопопов тоже был русским. Брагинский ставит перед Протопоповым вопрос о привлечении хотя бы одного таджика в его отдел. Между ними достигается согласие.

Интересно, что Иосиф Брагинский, как и его предки, – евреи, в свое время бежавшие из Ближнего Востока и избравшие местом своего нового жительства столицу государства Саманидов – Бухару, проявлял особенное уважение к таджикскому народу. Известно, что у него был необычный интерес к таджикской истории и литературе, и есть свидетельства, что ему нравилось слушать «Шахнамэ».

В 1937 году, в самый разгар массовых зачисток руководства компартии, Бободжон Гафуров соглашается возглавить отдел печати и издательств ЦК Компартии Таджикистана –

и назначается на эту должность решением Бюро ЦК КП(б) Таджикистана от 2 ноября 1937 г. А с 1939 по 1940 г. он работает заведующим отдела культпросвета ЦК.

Такое было время, что вне должности и трибуны слово не достигало цели, не имело никакого значения, а вся власть была сосредоточена в руках предводителей всадников с двустволкой.

Покровительство Иосифа Брагинского и других друзей-востоковедов помогло Гафурову в 1940 г. попасть в заочную аспирантуру Института истории АН СССР. Именно там при защите диссертации, перед самым началом Великой Отечественной войны, секретарь ЦК КПСС академик Емельян Ярославский, на тот момент руководитель кафедры истории Высшей партийной школы ЦК ВКП(б), увидит в лице Гафурова талантливого ученого и организатора. По его рекомендации в апреле 1941 года Гафуров назначается секретарем ЦК Компартии Таджикистана по пропаганде и агитации.

Сталин о таджиках

Интересно, что именно в конце тридцатых и начале сороковых Иосиф Сталин, архитектор национального строительства в СССР, обращает особое внимание на судьбу таджикского народа, обделенного на весах истории в начале XX века. Теперь трудно говорить о том, что именно повлияло на формирование отношения вождя коммунистов Сталина к таджикам. Важно только то, что когда представился очередной случай, а именно на приеме участников Дней таджикской литературы и искусства в Москве, в своей речи Сталин вернул огонь жизни в сердца таджиков, чем, конечно же, вызвал негодование недругов – соседей.

Вот отрывок из той речи Сталина 22 апреля 1941 года на приеме в Кремле участников декады таджикского искусства:

«Я хочу сказать несколько слов о таджиках. Таджики – это особый народ. Самый древний народ Средней Азии. Таджик – это значит носитель короны, так их называли иранцы, а таджики оправдали это название.

Из всех нерусских мусульманских народов на территории СССР таджики являются единственной не тюркской – иранской народностью. Таджики – это народ, чья интеллигенция породила великого поэта Фирдоуси, и недаром они, таджики,

ведут от него свои культурные традиции. Вы, должно быть, чувствовали в период декады, что у них, у таджиков, художественное чутье тоньше, их древняя культура и особый художественный вкус проявляются и в музыке, и в песне, и в танце.

Иногда у нас русские товарищи всех смешивают: таджика с узбеком, узбека с туркменом, армянина с грузином. Это, конечно, неправильно. Таджики – это особый народ, с древней большой культурой, и в наших советских условиях им принадлежит большая будущность. И помочь им в этом должен весь Советский Союз. Я хотел бы, чтобы их искусство было окружено всеобщим вниманием».

Герои рождают героев

В 1944 году Бободжон Гафуров, секретарь ЦК КП Таджикистана по агитации и пропаганде, приступает к изучению, точнее – воссозданию истинной истории таджиков. Но это дело оказалось не из лёгких, у него достаточно много противников. Один из них – профессор Сергей Толстов. В своих докладах и статьях он обвиняет Гафурова в присвоении таджиками культурно-исторического наследия иранцев в Средней Азии. Толстов настойчиво требует, чтобы это наследие было отнесено ко всем тюркоязычным народам Средней Азии.

Статус партийного деятеля, руководителя идеологического фронта республики дает Гафурову возможность быть смелым и бороться присущими ему способами с недругами таджикского народа. В начале 40-х события Великой Отечественной войны обязывают Бободжона Гафурова обратиться к историческим событиям давних лет.

Тыловой фронт в те дни был фронтом борьбы за поставки продовольствия и за подготовку новых сил. Главной же силой на том фронте была вера в победу. В самые тяжелые дни войны Бободжон Гафуров публикует свою большую статью «Таджики на фронте» в «Известиях». В этой статье он описывает героизм таджиков на передовых и на тыловых фронтах войны, их самоотверженную борьбу за победу.

Бободжон Гафуров призывает работников слова и пера обратиться в этой борьбе к истории. В своих работах «Герой таджикского народа Темурмалик» и «Восстание Муканны» он и сам воссоздает подвиги героев таджикского народа. Позже его духовный учитель Садриддин Айни в своем письме к другу Мухаммаджону Рахими признается, что написал свое произведение «Восстание Муканны» по просьбе Бободжона Гафурова.

Секретарь ЦК в тюбетейке

В 1944 году на XV пленуме ЦК КП Таджикистана Бободжон Гафуров избирается вторым секретарем ЦК Компартии Таджикистана. А в июне 1946 года – первым секретарем.

Из воспоминаний академика Евгения Петровича Челышева со слов самого Гафурова:

«…Мне было трудно в 40-е годы оберегать таджикскую интеллигенцию от репрессий. Но тогда я был секретарем ЦК КП Таджикистана, и со мной не могли не считаться. А сейчас я просто директор института, хотя и академик. В то трудное время кто-то из ближайших помощников Берии спросил меня: “Почему, товарищ Гафуров, в списках «врагов народа» почти нет таджиков? У вас в республике, наверное, органы госбезопасности плохо работают, а вы их не контролируете”. Знаете, что я ему ответил: “Среди таджиков нет врагов народа, они все друзья народа”. Этот тип тогда покраснел от злости и, наверное, настучал на меня Берии.

– Да, но тогда был Сталин, и я слышал, что он к вам относился с доверием, – сказал я.

– Как говорится, “на Бога надейся, а сам не плошай”. Так и со Сталиным, – заключил Гафуров».

Эти редкие воспоминания помогают нам лучше узнать о том, каким был Бободжон Гафуров, какую самоотвержен-

ность и абсолютное бесстрашие он проявлял, когда вопрос касался интересов его народа. В продолжение воспоминаний Челышева мы узнаём о первых двух встречах Бободжона Гафурова со Сталиным:

«Говорят, что Сталин хотел, чтобы его боялись, но опыт моего с ним общения показывает, что это не совсем так. В 1943 г. я временно исполнял обязанности Первого секретаря ЦК КП Таджикистана. Жилось в Таджикистане тогда плохо. И вот ЦК решил послать меня в Москву к Сталину, чтобы он помог решить наши вопросы. Увидев меня, 34-летнего паренька в тюбетейке, худого, голодного, одетого не для аудиенции у Сталина, Поскребышев, наверное, пожалел бедного таджика и пропустил в кабинет к вождю. Я вошёл и остановился у двери. Сталин сидел за столом, боком ко мне, и что-то писал. Я поздоровался, он не ответил и продолжал писать. Тогда я начал говорить о том, как сейчас трудно живется таджикам, и стал перечислять все наши беды, прося его помощи. Сталин продолжал писать, я стоял у дверей, думая о том, что, наверное, с испугу я говорил очень тихо и Сталин не расслышал, поэтому я повторил свою речь, только более громко. Сталин снова не обратил на меня никакого внимания. Что делать? Уйти? Тогда я не оправдаю надежд моих товарищей и вернусь ни с чем, и я продолжал стоять у дверей. Наконец Сталин повернулся ко мне и внимательно посмотрел в мою сторону. Вид у него был грозный, но

я продолжал стоять. “Ты еще здесь? – сказал он. – Вон отсюда!” – “До свидания, товарищ Сталин”, – сказал я и вышел. “Иди-ка ты лучше к Маленкову, – сказал Поскребышев, – все, о чем ты говорил, в его компетенции”. Я поблагодарил Поскребышева за совет и направился в Маленкову. Пришлось долго ждать, от усталости и волнения я уснул в кресле. Меня растолкал секретарь и сообщил, что Маленков ждет меня. Я вошёл в кабинет Маленкова и произнес речь, которую приготовил для Сталина. “И это все ты говорил товарищу Сталину? – спросил Маленков, при этом смачно выругавшись. – Ты знаешь, в каком положении страна? Что происходит на фронте? А ты к Сталину со своими бедами. Если бы ты к нему пришел и начал разговор с того, что Таджикистан, несмотря ни на какие трудности, может дать стране и фронту продовольствие, овчинные тулупы, фрукты и т. п., а потом что-то попросил, то, возможно, он бы тебя и не выгнал. В следующий раз по этим вопросам к Сталину не ходи, а иди прямо к мне”. И что-то немногое из того, что я просил для Таджикистана, выделил после того, как я сказал, что не могу вернуться домой с пустыми руками.

Второй раз я видел Сталина в 1946 г., – продолжал Гафуров, – когда меня назначали Первым секретарем ЦК КП Таджикистана. Меня вызвали в кабинет, где заседало Политбюро. Сталин расхаживал по комнате и курил трубку. Кто-то стал докладывать мои данные и характеристики. Внезапно докладчик замолчал, потому что Сталин остановился и

вынул трубку изо рта. “Подождите, – сказал он, пристально меня разглядывая, – это тот самый Гафуров, который товарища Сталина не испугался?” – спросил он. Я кивнул головой. “Если он такой храбрый и настойчивый, то есть предложение – утвердить”».

Да, именно Сталин поручает своему самому верному служителю, секретарю ЦК КПСС Емельяну Ярославскому, бывшему организатором беспощадной широкомасштабной атеистической кампании, сменить политического лидера в Таджикистане на местного таджика и предлагает выдвинуть кандидатуру лояльного партии человека с высокими академическими, культурными и лидерскими качествами. Этот человек должен объединить таджикский народ и защищать его интересы. В то время единственным человеком, который смог бы выполнить это требование, был Бободжон Гафуров, второй секретарь ЦК КП Таджикистана. И он избирается единогласно первым секретарем ЦК КП Таджикистана.

Из официального документа ЦК КПСС, 10 апреля 1946 г.:

«Первым секретарем ЦК КП(б) Таджикистана утвержден Б. Гафуров (ранее – второй секретарь ЦК КП(б) Таджикистана); освобожден Д.З. Протопопов с отзывом «в распоряжение ЦК ВКП(б)» (пр. 50, п. 93)».

Теперь борьба становится все более напряженной и пере-

ходит на новый уровень.

Искажение истории и урок Бободжона Гафурова

Обращение Гафурова к славному пути таджикского народа является не только ответом на злобу дня и руководством к мужеству, но становится и поворотным моментом в историографии таджикского народа. В сотрудничестве с Н. Прохоровым Гафуров завершает свою знаменательную работу «Таджикский народ в борьбе за свободу и национальную независимость своей родины». В 1944 году эта монография будет представлена на рассмотрение в Институте истории АН СССР. Русскоязычный историк, живущий в Узбекистане, профессор Сергей Толстов считает утверждение авторов, что таджики являются древнейшими коренными жителями Средней Азии, неправильным и выступает против издания этой книги.

О том, что произошло на том совещании, и о позиции Толстова мы узнаем ***из докладной записки Бободжона Гафурова в ЦК ВКП(б):***

«На совещании при Институте истории АН СССР 9 декабря 1944 года при обсуждении книги “Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины” выясняется, что некоторые историки Узбекистана, и прежде всего профессор Толстов С. П., придерживаются по этому по-

воду точки зрения, находящейся в моральных противоречиях с высказываниями товарища Сталина. Толстов предъявляет авторам обвинение в том, что они рассматривают иранское культурно-историческое прошлое на территории Средней Азии как прошлое таджикского народа. В то время как оно в одинаковой мере является прошлым любого из тюркских народов, населяющих Среднюю Азию в настоящее время, и прежде всего узбекского народа, который занимает ныне земли Древней Согдианы и якобы ассимилировал согдийское население последней. На этом основании профессор Толстов требовал, чтобы историки Таджикистана акцентировали своё внимание не на истории Согда, а на истории Бактрии. И вообще предлагал начать работу по истории таджиков и Таджикистана с предисловия, в котором должно быть с нашей стороны выражено признание, что иранское историческое прошлое Средней Азии в одинаковой мере принадлежит всем тюркоязычным народам Средней Азии, а не только таджикам. В своих тезисах (доклад на сессии Комиссии по этногенезу и этнографии ОИФ АН СССР, 1942 г.) Толстов утверждает: «При наличии очень давно сложившихся историко-территориальных общностей, на базе которых из разнородных аборигенных и прошлых этнических элементов шел процесс консолидации современных среднеазиатских народов, ни один из этих народов не восходит непосредственно к какой бы то ни было из этих этнических групп древности. Наоборот, как правило, древние, как местные,

так и пришлые народы в различных пропорциях входят в состав нескольких, а иногда и всех народов Средней Азии. Так согдийцы вошли в состав узбеков, туркмен, частично таджиков, частично каракалпаков».

Авторы Бободжон Гафуров и Н. Прохоров пытаются добиться правды и пишут письма в ЦК ВКП(б) на имя секретаря ЦК КПСС А. Жданова. Письмо отправляется 20 октября 1950 г., но остается без ответа:

«Толстов обвиняет авторов в том, что они считают принадлежащей таджикам культуру и историю иранского народа в Средней Азии… Профессор Толстов настаивает на том, чтобы историки Таджикистана сосредоточили свое внимание не на истории Согда, а на истории Бактрии. Он хочет, чтобы предыстория таджиков и Таджикистана начиналась с признания принадлежности прошлой истории иранцев в Средней Азии ко всем тюркским народам…

Иранские (таджикские) лидеры народных движений, такие как Муканна, Махмуд Тороби и другие, в серии исследований, опубликованных в Ташкенте, были представлены как узбеки. В своей книге “Древняя культура Узбекистана” Толстов описывает историю согдийцев времен Кира и Доро как историю предков узбеков, а предков иранско-согдийцев в Средней Азии как предков узбекского народа».

Статья профессора Сергея Толстова публикуется в газете «Советская культура». Отныне чрезвычайно трудным делом становится и публикация другой книги Бободжона Гафурова «Краткая история таджикского народа».

Александр Фадеев в сетях лжи

Ошибаться и принимать ошибочные решения возможно и в зрелом возрасте. Но вопиющее затемнение белого, искажение истины истории – это грех, который не имеет искупления. К «толстовцам» присоединяется и писатель Александр Фадеев. В своем письме в ЦК КПСС он обвиняет таджикских литературоведов в том, что они присваивают себе классиков персидской и индийской, узбекской и азербайджанской литератур, что неверно истолковывают классическую узбекскую литературу и тем самым оскорбляют узбеков.

Молчание – знак согласия. И потому Бободжон Гафуров не молчит, хотя из горькой истории таджикского народа он отлично знает, что в иное время меч готов срезать даже склоненную голову и безмолвный язык. Он пишет письмо секретарю ЦК КПСС Михаилу Суслову, в котором объясняет некомпетентность Фадеева в данном вопросе. Он, конечно, понимает, что его письмо не станет объектом внимания широкого круга тех, кто принимает судьбоносные решения. Поэтому не останавливается в борьбе с «толстовцами» и выносит эту борьбу на высший тогдашний суд – на съезд партии, и там в своей речи убедительно опровергает позицию Толстова.

Из речи Б. Гафурова на XIX съезде ВКПб (КПСС), октябрь в 1952 года:

«Буржуазные историки отодвигали древнюю историю предков таджиков на второй план, считали ее незначительным приложением к истории Ирана, а впоследствии – одним из эпизодов истории Древней Греции. Муканну, Мухаммада Тараби и других выдающихся сынов таджиков они относили к другим народам. Отрицалось даже участие (присутствие на территории) таджиков в образовании великого государства Саманидов, достижения таджиков в общественной, политической, экономической и культурных сферах. В ее описании отрицается объективная истина того, что таджики были коренным народом при Саманидах. Такая тенденциозная практика также влияет на Александра Фадеева, председателя Союза писателей СССР. Он обвиняет таджикских литераторов в том, что они приписывают себе персидских – Саади Шерози, Хафиза Шерози, Убайда Зокони – и индийских классиков – Амира Хусрава Дехлави, Абдулкадира Бедиля – и, таким образом, обижают персов и индусов, а также, присвоив узбекских классиков, приносят убыток узбекскому народу».

Хорошо понимая весь свой риск и огромный вес тогдашнего члена ЦК КПСС, вице-президента Всемирного Совета Мира, главы Союза писателей СССР Александра Фадеева, Бободжон Гафуров все же выступит на съезде с резкой и открытой критикой автора «Молодой гвар-

дии»:

«Одной из главных причин творческой пассивности многих художников слова является, на мой взгляд, отсутствие настоящей партийной критики среди писателей. Прочитайте статьи и речи т. Фадеева. Это, как правило, безобидные, никого ни к чему не обязывающие рассуждения вообще. (Оживление в зале.) Тов. Багиров совершенно правильно вчера критиковал Союз советских писателей за то, что он мало внимания уделяет развитию национальных литератур. Я присоединяюсь к мнению т. Багирова. Иногда т. Фадеев, лично не изучив состояние национальной литературы и пользуясь материалами своих не очень понимающих консультантов, попадает в неудобное положение. Например, недавно т. Фадеев предъявил нашей республике обвинение в том, что якобы мы присвоили классиков персидской литературы, а потом он вынужден был снять свое обвинение. К делу изучения национальных литератур т. Фадеев не привлекает товарищей из самих национальных республик, которые могли бы помочь ему в этом вопросе».

Сторонники и противники в этой борьбе делятся на две группы: одна полагается на научную правду; другая – на тех, кого можно подкупить.

Поэт Александр Твардовский, академики В.В. Струве, А.Я. Якубовский и другие ученые и писатели ставят исто-

рическую истину выше единовременных благ и благосклонны к Бободжону Гафурову. Тем не менее поддержка эта еще недостаточна, чтобы проблема была решена.

Гафуров обращается к Сталину

Национальная политика в Советском Союзе, ярким примером которой было топорное разделение 1924 года, продолжалась по принципу «разделяй и властвуй». Гафуров это хорошо знал. И также очень хорошо он знал, что без указания «Султана правды» – Сталина не дрогнет ни один лист в советском лесу. Гафуров терзался крайне важным для исторической жизни таджиков вопросом. Он хотел выяснить, откуда берут свои начала эти попытки искажения истории таджиков, и кто стоит у истока всего этого. В окружении самого Сталина на этот вопрос никто не мог или не осмеливался ответить, хотя Гафурову удалось своими делами и успехами республики изменить в позитивную сторону взгляды работников Центра на таджиков и Таджикистан. Как первый секретарь республики он знал, что сталинское окружение не говорят всю правду Сталину, что многие скрывают от него правду из-за страха или личных интересов. Хотя по свидетельствам тех, кто его хорошо знал, Сталин часто признавал правду – если ее высказывали в нужное время.

Гафуров хочет выяснить, откуда тянутся корни всех этих ненаучных, нездоровых баталий против таджиков. И он понимал, что ответить на этот вопрос мог только Сталин. Если он узнает, что сам Сталин не является источником враждебного отношения к таджикам и что люди и группы, искажаю-

щие таджикскую историю, не поддерживаются Сталиным, то дорога для его борьбы впредь будет открыта.

Гафуров настойчиво ищет возможности встретиться со Сталиным.

И такой день настанет. Эта первая личная беседа Бободжона Гафурова с Иосифом Сталиным состоялась в Кремле, во время декады таджикской культуры в Москве – 23 января 1948 года в 22.35 с участием секретаря ЦК КП СССР Андрея Жданова и председателя Совета Министров Таджикской ССР Абдуджаббора Расулова. Полный стенографический текст этой встречи был найден автором этих строк в Москве в 1983 году в частной библиотеке самого Бободжона Гафурова. Так как это очень важный исторический документ, то здесь публикуется полный текст той беседы, хотя частично ее содержание выходит за пределы нашего интереса.

Беседа Гафурова со Сталиным

«Совершенно секретно» (ЗАПИСЬ беседы от 23 января 1948 года в 22 ч. 35 м., продолжалась более 50 минут).

Сталин: – Как парторганизация Таджикистана? Как с кадрами?

Гафуров: – Кадры имеются. Кадры растут. Парторганизация добилась, что республика в области хозяйства находится на подъеме. План сдачи хлопка в 1946 г. выполнен на 125 %, в 1947. – на 113 %.

Сталин: – Я знаю, очень хорошо.

Гафуров: – Колхозы организационно окрепли, большинство колхозников материально живут хорошо. *Мы хотим, товарищ Сталин, в 1948 году дать 250 тысяч тонн хлопка, а в 1949 году 300 тысяч тонн.*

Сталин: – *Здорово!*

Гафуров: – Если решим проблему «Большого Вахша», можем в следующей пятилетке *довести валовый оборот до 500 тысяч.*

Сталин: (Смотрит карту – схему «Большого Вахша»): – Хорошо, мы посмотрим. А сколько гектаров сейчас освоено в Вахшской долине?

Расулов: – 80 тысяч га.

Сталин: – У Вас там какой-то особенный хлопок разво-

дится?

Расулов: – Длинноволокнистый, так называемый «египетский».

Гафуров: — Товарищ Сталин, мы просим помочь нам в наших мероприятиях по подъему хлопководства. Просим дать удобрение.

Сталин: – Сколько?

Гафуров: – 75 тысяч тонн.

Сталин: – Надо посоветоваться с химиками. Оставьте, посмотрим.

Гафуров: – В прошлом году Совет Министерств выделил нам для колхозов 200 автомашин, получили мы только 45. Просим в 1948 году возместить недополученное.

Сталин: – Посмотрим. Кажется, сократили всем разнарядку: нужно возить хлеб из глубинки. Знаете, что такое «глубинка»?

Расулов: – Знаем, у нас тоже есть.

Гафуров: – Товарищ Сталин, у нас очень важный вопрос о новой железной дороге «Самарканд – Такфон – Сталинабад» (рассказывает о дороге).

Сталин: – (рассматривая карту). – Вы этот вопрос, кажется, уже ставили?

Гафуров: – Эта дорога будет иметь огромное *военное и экономическое значение. Она сократит путь в три раза, будет проходить по районам, богатым полезными ископаемыми.*

Сталин: – *Сейчас этого вопроса мы разрешить не можем.* Приступим в 1949. Вообще, это дело стоящее, важное, но у нас еще дороги в оккупированных районах не все восстановлены, мосты не все восстановлены.

Гафуров: – Еще один вопрос: мы из горных районов переселяем в Вахшскую долину колхозников. Просим льгот для них.

Сталин: – *Этого вопроса мы разрешить не можем*. В результате денежной реформы и отмены карточек государство потерпело убыток в 57 миллиардов рублей.

Гафуров: – У меня еще есть вопрос. В 1947 году хорошо работали областные, республиканские работники, специалисты сельского хозяйства. Просим разрешить представить к награждению вместе с работниками МТС и районными работниками 200 человек.

Сталин: – Можно, представьте.

Гафуров: – *У нас есть писатель Айни – старейший таджикский прозаик. Ему скоро исполнится 70 лет. Разрешите наградить орденом Ленина.*

Сталин: – *Можно это сделать.*

Гафуров: – *На территории нашей республики узбеки построили «Фархад»…*

Сталин: – *Почему на вашей территории? Как это так?*

Расулов: — Было решение союзного правительства, мы вынуждены были согласиться. В результате 2 тысячи хозяйств остались без приусадебных участков, без сада. Мы

просим на электроэнергии «Фарада» построить необходимую водокачку.

Сталин: – А откуда воду брать?

Гафуров: – Как-то из Сырдарьи.

Сталин: – Значит, земля выше уровня реки? А сколько это будет стоить?

Расулов: – 15 миллионов рублей за счет бюджета. Много своего труда вложат колхозники.

Сталин: — Посмотрим, оставьте.

Гафуров: – *Вашу речь на приеме участников «Декады таджикского искусства» народ знает. Просим разрешить использовать ее для нашей работы.*

Сталин: – *(читает речь: от начала, до конца): – Хорошо, оставьте, завтра я эту речь вам дам.*

Гафуров: – *У меня больше вопросов нет, будет говорить товарищ Расулов.*

Расулов: – В 1949 году будет двадцатилетие нашей республики. Просим разрешить празднование.

Сталин: – (Жданову): – 20-летие празднуется?

Жданов: – Да.

Расулов: – И в связи с этим просим разрешить некоторую сумму, чтобы привести в порядок столицу нашей республики.

Сталин: — Кажется, это был кишлак Душанбе?

Расулов: – *Да, но сейчас это большой город, в нем 130 тысяч населения.*

Сталин: – *Оставьте, посмотрим.*

Расулов: – Для горно-зерновых районов просим дать тракторов.

Сталин: – Сколько?

Расулов: – Только сто.

Жданов: – Ничего себе!

Сталин: Посмотрим.

Жданов: – (Сталину): – *Товарищ Гафуров – историк, работает над историей таджикского народа. (Гафурову) Вы, кажется, уже закончили эту работу?*

Гафуров: – *Да, Андрей Александрович, первый том закончил. Но тут у нас, Иосиф Виссарионович, имеются разногласия.*

Сталин: – *Какие?*

Гафуров: – *В исторической науке имеются две точки зрения: одна чересчур преувеличивает турецкую историю Средней Азии, другая утверждает, что народы, которые населяли Среднюю Азию в прошлом, были иранцы. Мы как раз придерживаемся этой точки зрения и за это нас обвиняют в протаскивании расистской теории.*

(Сталин и Жданов громко смеются.)

Сталин: – *Если в научном отношении это правильно, если это действительно так, чего же тут плохого? Доказывайте свою точку зрения.*

Гафуров: – *Да, товарищ Сталин, это все правильно, а меня все-таки некоторые критикуют, такие люди даже в*

управлении пропаганды имеются.

Расулов: *– Особенно большие разногласии в этом вопросе с узбеками.*

Сталин: *– Да. У них есть такая тенденция – присваивать себе все.*

Гафуров: *– Иосиф Виссарионович, таджикский народ знает, что образование нашей республики произошло по вашему настоянию, по указанию ЦК ВКП(б). Даже среди таджиков были в то время люди, которые доказывали, что в Средней Азии нет таджиков, и посылали вам об этом телеграммы.*

Сталин: – Да, был такой Рахимбаев, который доказывал, что таджиков Средней Азии не существует. *Однако они не только существуют, но, как видите, растут. И это совсем особый народ, имеющий большие различия с узбеками, казахами, киргизами, туркменами. Тюрки появились и Средней Азии в XI–XII вв. н. э., а иранцы существовали там еще в V в. до н. э.*

Гафуров: *– Даже в шестом веке, товарищ Сталин… Я хотел вас спросить, можно ли поднимать национальное самосознание народа?*

Сталин: *– Можно и нужно. Только не надо допускать национальной исключительности.*

Гафуров: *– На совещании в ЦК ВКП(б) с композиторами Андрей Александрович сказал, что надо всё любить и не забывать того, что есть хорошего у других народов. Мы пом-*

ним об этом.

Сталин: *– Правильно!*

Гафуров: *– Между прочим, иранская культура возникла не в современном Иране, а в Средней Азии. Фирдоуси мы читаем и понимаем как своего, родного, а иранцы читают его со словарем.*

Сталин: *– Это надо доказать, это надо пропагандировать.*

Гафуров: *– Мы просим, товарищ Сталин, вопросы истории обсудить в ЦК ВКП(б).*

Сталин: *– Вот, поручим товарищу Жданову, он этот вопрос разберет. (Жданов заносит в свою записную книжку.)*

Сталин: *– Расскажите, пожалуйста, почему узбеки в этом году провалили с хлопком? Правда ли, что им народные стройки помешали поднять хлопководство?*

Гафуров: – Товарищ Расулов – агроном, он лучше расскажет об этом.

(Сталин повторяет вопрос Расулову.)

Расулов: *– Нет, главная причина в том, что они своевременно не произвели пересев после заморозков.*

Жданов: *– Они с народом не умеют работать. У Юсупова очень большое самомнение о себе.*

Сталин: *– Да, у Юсупова есть такая тенденция – стать хозяином всей Средней Азии…*

Гафуров: – (прощаясь): Извините, Иосиф Виссарионо-

вич, мы отняли у вас дорогое время.

Жданов: – (прощаясь, Сталину): – Они молодцы, они работают дружно.

На этой встрече присутствовал Андрей Жданов, Председатель Верховного Совета СССР. По свидетельству некоторых писателей Жданов был одним из самых развитых и образованных личностей в сталинском руководстве. Видимо, именно он и способствовал тому, чтобы та встреча состоялась. Отношение Жданова к Гафурову известно из одного исторического документа, в котором есть такое свидетельство: 25 февраля 1948 г. в своем выступлении на заседании секретариата ЦК ВКП(б) по вопросу о работе Кабардинского обкома ВКП(б) в качестве примера для подражания другим партийным и советским руководителям Жданов приводит работу Бободжона Гафурова по созданию национальных кадров и достижению высоких результатов в своей республике.

Предательство Абдулло Рахимбоева

После переговоров со Сталиным Бободжон Гафуров ищет тайну предательства Абдулло Рахимбоева. В 1983 году я побывал в квартире, где находилась частная библиотека Бободжона Гафурова в Москве (улица Горького 8, ныне Тверская), и среди многих исторических документов обнаружил досье, на котором было написано «Абдулло Рахимбоев». В ту пору я не смог ознакомиться с содержанием той папки. Но мне удалось вернуться в тот дом после распада Советского Союза. К тому времени ни книг, ни самой библиотеки Бободжона Гафурова уже больше не существовало. Квартира та уже была продана, а книги ушли на распродажу. Ходили слухи, что жена Бободжона Гафурова Капитолина Александровна обратилась в посольство Таджикистана в России с просьбой выкупить книги. Но в Таджикистане в то время шла гражданская война, и, видимо, поэтому никто не смог спасти самую важную для нынешних таджиков библиотеку. Думаю, вероятно, распродажа книг произошла уже после смерти Капитолины Александровны.

Что это было за досье и как использовал Бободжон Гафуров содержание той папки? Пока это остается тайной за семью печатями. Но то, что Абдулло Рахимбоев был предателем, Бободжон Гафуров не раз подчеркивал в своих беседах

с коллегами и друзьями. Доказательством предательства Рахимбоева считалось заявление Сталина: ***«Абдулло Рахимбоев был тем человеком, который хотел доказать, что в Средней Азии не существует таджиков».***

Абдулло Рахимбоев имел возможность служить интересам своей нации, однако этого не сделал. Почему? Давайте обратимся к открытым источникам и взглянем на его жизненный путь. Родился Рахимбоев в июне 1896 года в Худжанде, в селении Раззак, в семье торговца. Учился сначала в медресе, потом, в 1908–1917 годах, в русской школе Худжанда. Продолжил он свое образование в Самаркандской высшей школе и затем в Ташкентской учительской семинарии.

Первое время он работал в своем родном городе, где и присоединился к революционному движению. В 1919 году вступил в РКП(б) и стал секретарём уездного исполкома в городе в Мирзочуле. В 1919–1920 гг. Рахимбоев возглавил уездный и городской исполкомы в Ходженте, избирался председателем Самаркандского обкома КП(б) Туркестана. В 1920–1921 и в июне-октябре 1922 года он становится председателем ЦИК Туркестанской АССР.

В 1921 г. Рахимбоев – член Туркестанского бюро ЦК РКП(б) и Туркестанской комиссии ЦК РКП(б) и СНК РСФСР, член коллегии Наркомата по делам национальностей РСФСР, член Туркестанской комиссии ЦИК и СНК

РСФСР. В апреле 1922 года на XI съезде РКП(б) он был избран кандидатом в члены ЦК (апрель 1922–апрель 1923). Одновременно в 1922–1926 годах Рахимбоев являлся членом Реввоенсовета Туркестанского фронта.

Рахимбоев был одним из тех немногих, кто подписал Договор о создании Советского Союза от 30 декабря 1922 года.

Рахимбоев также являлся членом Центральной комиссии по национальному размежеванию Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) – председателем Узбекской подкомиссии. После создания Узбекской ССР он был избран секретарём ЦК КП(б) Узбекистана (декабрь 1923 г.). С мая 1924 по декабрь 1925 г. являлся кандидатом в члены ЦК ВКП(б), в 1924–1926 годах – член Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) – ВКП(б).

С 1924 по 1925 г. Рахимбоев – секретарь Временного организационного бюро ЦК КП(б) Узбекистана, член Революционного комитета Узбекской ССР. В 1926–1928 гг. он находился в Москве в качестве слушателя курсов марксизма-ленинизма. В 1928–1929 гг. Рахимбоев избирается председателем Правления Центрального издательства народов СССР, в 1929–1933 гг. – Председателем Комитета советских национальных меньшинств Народного комиссариата просвещения РСФСР. В 1933–1937 гг. Рахимбоев становится Председателем Совета Народных Комиссаров Таджикской ССР, а с января 1934 года также одним из председателей ЦИК СССР.

Рахимбоев был награжден несколькими орденами, в том

числе орденом Ленина и орденом Красного Знамени. Однако, несмотря на все свои звания и ордена, летом, в августе 1937 года, был освобожден от должности председателя СНК Таджикской ССР, исключён из рядов ВКП(б) и арестован в Сталинабаде, а затем заключен в московскую тюрьму в Лефортово. 7 мая 1938 года по приговору Военной коллегии Верховного Суда Рахимбоев был расстрелян в Бутово. А через 18 лет, в 1956 году, он был посмертно реабилитирован и восстановлен в партии.

Абдулло Рахимбоев имел могущественных покровителей и мог бы поставить национальные интересы выше своих личных. Он встречался и с Лениным, а затем, после смерти Ленина, имел поддержку Сталина. Его статус и положение давали возможность праведно служить своей родине. Но он избрал другой путь. Вы, конечно же, скажете, что с высоты сегодняшних лет легко давать оценку лидерам тех очень страшных и судьбоносных лет. Но когда я сравниваю двух лидеров, представителей наших народов, живших почти в одно и то же время и оба имевших самых могущественных покровителей, – Гафурова Бободжона и Рахимбоева Абдулло, то, думаю, имею право быть разочарованным Абдулло Рахимбоевым, человеком, который при всех своих огромных для того времени ресурсах и возможностях все-таки избрал путь предательства интересов своего народа.

Есть много вопросов, касающихся того времени, ждущих

до сих пор своего ответа. Однако ответ на один вопрос, почему Сталин поддерживал Абдулло Рахимбоева, ясен, и он может стать ключом, который поможет раскрыть многие другие тайны той эпохи. Думается, основная причина того, что Сталин какое-то время поддерживал Рахимбоева, кроется в том, что Рахимбоев был одним из ключевых представителей Компартии в процессе сталинского размежевания, так называемого «топорного разделения» Средней Азии.

Хотя есть и другие предположения. Возможно, в каком-нибудь пыльном архиве существуют документы, которые помогут приподнять завесы и пролить свет на эту темную историю. Может быть, та папка Бободжона Гафурова с «досье Абдулло Рахимбоева» еще лежит где-то и дожидается нашего внимания и анализа. Однако очевидно одно, что почти все действия Абдулло Рахимбоева проистекали из геополитических интересов самих большевиков.

Таджики в пасти дракона

Начало XX века было ознаменовано напряжёнными конфликтами интересов по разделению мира между сильными державами планеты. Особенное напряжение было между Англией и большевиками по вопросу контроля над Средней Азией. Царская Россия обладала в Иране и богатством, и властью. Но переговоры между Англией и властью большевиков заставляют СССР игнорировать свои интересы в этой стране. Так как при поддержке Великобритании в Тегеране победил Реза Пехлеви – и был провозглашен королем Ирана.

Большевики жертвуют всеми богатствами (недвижимостью) царской России в Иране, а взамен получают полный контроль над Средней Азией, и почти без войны. В этих условиях создание государства таджиков в историческом сердце Персидской цивилизации в Средней Азии не отвечало интересам большевиков. Слово панираниз было выдумано пантуркистами, чтобы оправдать свое существование перед большевиками. Подавление панираниза посредством пантюркизма становится негласной целью национальной стратегии Советского Союза. Разгром панираниза означал устранение оснований для Ирана претендовать на центры персидской цивилизации в Средней Азии. *«В Средней Азии нет таджиков!»* – ясно, что это громкое заявле-

ние Абдулло Рахимбоева было продиктовано интересами и национальной геополитикой большевиков, которые продвигались под руководством Сталина. Абдулло Рахимбоев был всего лишь физическим рупором этого заявления, необходимым горлом, сквозь которое прозвучало такое, по всем канонам совершенно несуразное, бредовое, абсурдное, ложное, порочное, несправедливое дикое утверждение, абсолютно не соответствующее действительности.

Иран отдал себя в объятия англичан, а таджики были отправлены на смерть в пасть дракона. Иран отвернулся от исторических центров персидской цивилизации в Средней Азии. Происками коварных «геополитических стратегов» и руками местных предателей были устранены национальные герои страны таджиков, ее сыны, боровшиеся за выживание своего народа, – Абдукодир Мухиддинов, Чинор Имомов, Шириншох Шохтемур, Нусратулло Махсум, Абдурахим Ходжибоев и сотни других.

Но как Бободжон Гафуров мог узнать, что Абдулло Рахимбоев имел поддержку Сталина? Догадаться было совсем не сложно. Для большевистской власти это была обычная практика – использовать видных представителей народов для достижения своих геополитических целей. Об этом свидетельствуют и жизнь, и смерть Абдулло Рахимбоева. И думаю, в том досье находились именно такие, бесславные све-

дения о жизни и смерти Абдулло Рахимбоева.

Душанбе – новая столица таджиков

Многие историки и соратники Бободжона Гафурова отмечают, что после его личной встречи со Сталиным против Гафурова обострилась борьба его недругов, искажавших историю таджикского народа, и в то же время непреклонным стало его мужество, исключительным – намерение воссоздать правдивую историю своего народа. Гафуров предпринимает серьезные шаги, чтобы объединить ученых, литераторов, творческую интеллигенцию, в том числе таджиков, живущих в других странах.

Одним из его соратников в этом деле стал Садриддин Айни, живой свидетель трагической истории таджикского народа начала XX века. Однако проблема была в том, что Садриддин Айни жил в Самарканде. Его проживание в Узбекистане, конечно же, было в интересах сил, которые пытались поймать его в сети, недружественные Таджикистану. С другой стороны, и сам Садриддин Айни, как и прочие постаревшие мудрецы старой школы, не хотел менять свой устоявшийся распорядок дня, перевозить на новое место свой письменный стол и «изменить» верным стенам, которые берегли его огромную библиотеку. Это только недавно стало известно, что в тайном подвале своего дома Садриддин Айни прятал от глаз советской власти собрание старинных книг

и рукописей. И потому понятно, что уговорить этого патриарха таджикской литературы покинуть дом, к которому он так прикипел, было совсем нелегким делом. Ему казалось предательством оставлять этот древний и такой родной Самарканд, город, который строили его предки, оставившие свои подписи, уникальные оттиски, бирюзовые орнаменты и позолоченные арабески на камнях, в каждой частичке тысячелетних стен его величественных мечетей, исторических дворцов и медресе.

Но он также понимал, что в очередной раз увесистый топор истории ударил по живым корням таджиков и что он должен пожертвовать личным покоем и сделать все от него зависящее, чтобы помочь молодым лидерам еще раз доказать миру, что таджик – это строитель, а не мародер, что он не захватывает чужие земли, но сделает все, чтобы из малейшего уцелевшего корешка былого вырастить пышное дерево своей культуры.

Было что-то заветное в том, что не древние города – Гиссар, Кофарнихон или Куляб были избраны в качестве столицы нового Таджикистана, а небольшое селение Душанбе. Злые силы хотели искоренить таджиков, сделать их манкуртами, оторвав их от родных корней, от их культурных центров Самарканда и Бухары. И действительно, что-то похожее на библейский Исход было в том героическом действе, когда

ради сохранения культуры и языка своей нации таджики Самарканда и Бухары массово покидали свои уютные дома и выбирали Душанбе, свой горький Синай, местом нового жительства. Сегодня всех этих героев-изгнанников, каждого и каждую мы обязаны назвать по имени, поклониться им и их (т. е. нашим) предкам, воздать им должные почести! Именно их кровью и потом, их героическими усилиями из каменных плит крепостей и мечетей, разрушенных Красной армией, кирпичик к кирпичику строился Таджикистан и его новая столица. В тех тяжелейших невыносимых условиях задача выживания нации выпала на хрупкие, но мужественные плечи тех исходников-мигрантов-хранителей корней и души народа.

Только одно могло превратить новую таджикскую столицу Душанбе в научный и культурный центр: привлечение из-за рубежа ученых старой школы и деятелей науки и культуры. Для того чтобы таджики вместо своей потерянной страны смогли бы выстроить новый Таджикистан, нужны были не только хлопкоробы, строители, инженеры, но и мастера культуры и культурные институты. Требовалась армия учителей, ученых, литераторов, других деятелей культуры, чтобы они своим словом вдохновили народ на подвиг выживания, чтобы в своей новой стране таджики смогли развивать свои вековые культурные и научные традиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.